

предполагалось построить на реках Уртазым и Таналык¹⁷. Во время пребывания И. И. Неплюева в Зауралье было выбрано новое место под строительство г. Оренбурга: «...подле самого Яика, выше Сакмарского устья в десяти верстах, и тако, стало быть, на самом краю Башкирии»¹⁸. 19 апреля 1743 г. состоялась торжественная церемония закладки города. В 1744 г. была образована Оренбургская губерния и г. Оренбург стал губернским городом, а И. И. Неплюев – первым губернатором. Благодаря своему пограничному положению Оренбург в XVIII в. становится центром управления не только башкирским краем, но и всей юго-восточной окраиной России.

Таким образом, города-крепости, построенные на территории Башкирии в 1735–1743 гг., сыграли исключительно важную роль в истории становления губернской системы управления в Башкирии, начавшегося с петровских реформ 1708 г. и завершившегося спустя 35 лет образованием Оренбургской губернии.

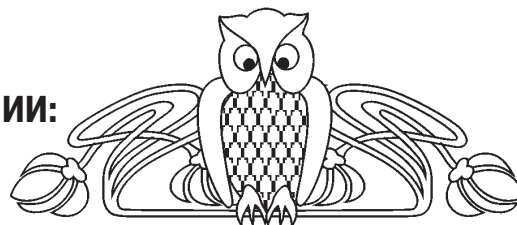
Примечания

- ¹ См.: ПСЗ РИ. Т. IV. № 2218. С. 436–438.
- ² РГВИА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 474. Л. 2.
- ³ ПСЗ РИ. Т. IV. № 2218. С. 436–437 ; Об учреждении губерний и о росписании к ним городов. Именной, объявленный из ближней канцелярии Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях : сб. док. и материалов. Уфа, 1999. № 2. С. 20 ; История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001) : сб. док. и материалов.

- Уфа, 2003. С. 9 ; ГАРФ. Ф. 728 – Коллекция документов Зимнего дворца. Оп. 1. Ч. 1. Д. 44а. Л. 9–10.
- ⁴ См.: *Валишевский К.* Пётр Великий. М., 1990. С. 288.
- ⁵ См.: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М., 1974. С. 31–32 ; *Кушева Е. Н.* Дворянство // Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 205–210.
- ⁶ ПСЗ РИ. Т. IV. № 2218 ; Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 168.
- ⁷ См.: Архив СПб ИИ РАН. Колл. 105. Оп. 1. Д. 11. Л. 29–30.
- ⁸ *Чернавский Н. Н.* Оренбургская епархия в прошлом и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 10. Оренбург, 1900–1902. С. 77.
- ⁹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 81–82.
- ¹⁰ *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1889. Вып. 1. С. 153.
- ¹¹ Цит. по: *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 31.
- ¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 660 об.
- ¹³ Там же. Л. 660–661.
- ¹⁴ См.: *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 359, 365 ; *Чернавский Н. М.* Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1 // Труды ОУАК. Оренбург, 1900. Вып. VII. С. 78.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 660–661.
- ¹⁶ См.: ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 48–61.
- ¹⁷ См.: *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 68.
- ¹⁸ Там же.

УДК 930.85(470.44–21). 07

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: ГОРОДА-КРЕПОСТИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. С. Майорова

Саратовский государственный университет
E-mail: majorova-as@mail.ru

В статье рассматривается общественно-культурная среда (или культурное пространство) уездных городов Саратовской губернии, которые были основаны как крепости, – Царицына, Камышина и Петровска. По социальному составу населения они практически не выделялись среди уездных городов губернии. Народная культура имела доминирующее значение в их общественно-культурной среде. Ее заметным отличием от культурной среды других уездных городов было существование преданий и реликвий, которые поддерживали память о «военном прошлом» городов-крепостей.

Ключевые слова: культурное пространство, Саратовская губерния, уездные города, города-крепости, народная культура, память о военном прошлом.

Socio-cultural Environment of Saratov Province District Towns: Fortress-cities in the Late 18th and Early 19th Centuries

A. S. Mayorova

The article examines socio-cultural environment (or cultural community) of Saratov province district towns that had been founded as fortresses: Tsaritsin, Kamyshin and Petrovsk. Their social structure did not differ much from that of the other district towns of the province. Their socio-cultural environment was dominated by folk culture marked by legends, traditions and relics that kept the memories of the war-time past of the fortress-cities alive.

Key words: cultural community, Saratov province, district towns, fortress-cities, folk culture, memories of the war-time past.

В русской публицистике и художественной литературе XIX в. сложился стандартный образ уездного города, в котором жизнь удручающе однообразна и не дает «никакой пищи для умственной деятельности». Несмотря на то, что этот образ родился как результат живых наблюдений, его нельзя считать основой для изучения культурного процесса в уездных городах ни в целом по России, ни в конкретной губернии. Рассмотрение общественно-культурной среды (культурного пространства) уездных городов Саратовской губернии показывает, что все они обладали чертами своеобразия.

Понятие «культурное пространство» с позиций социологического подхода рассматривается в работах саратовских философов¹. Согласно определению О. В. Гуткина, национальное культурное пространство «выступает синтезом культурных пространств различных классов, социальных слоев и групп соответствующего социума»². Он отмечает также, что культурное пространство можно охарактеризовать как локальное образование³. Уездный город является одним из вариантов такого локального образования.

Уездный город как административная единица был выделен в законодательстве, связанном с областной реформой 1775–1780 гг. Статус уездных городов получили не только те поселения, которые и в предшествующий период считались городами, но и многие села и слободы. Эта масштабная акция наложила глубокий отпечаток как на развитие городской жизни в России, так и на представление современников, а позднее историков, социологов, общественных деятелей о роли городов в жизни государства и общества. Л. В. Кошман определяет их смысл следующим образом: «Возникновение и развитие города нового времени связывалось, прежде всего, с властью и рассматривалось как место присутствия администрации»⁴.

Проблема развития социокультурной среды уездных городов России XVIII–XIX вв. остается мало изученной. Историки, как правило, рассматривают отдельные стороны культурного процесса на конкретном материале определенных городов. В исследовании Л. В. Кошман, посвященном городской жизни в России XIX в., нет акцента на дифференцированном подходе к объекту изучения⁵. Можно заметить, что автор стремится показать, каковы были общие черты в социокультурном развитии и губернских, и уездных городов. В то же время Л. В. Кошман не оставляет без внимания отличия, которые характеризуют, с одной стороны, столичные, а с другой – провинциальные города. В коллективной монографии «Очерки городского быта дореволюционного Поволжья» авторы рассматривают городскую культуру в период с конца XVIII до конца XIX в. в ее этнографическом аспекте⁶. Объектом исследования здесь являются

города Казанского Поволжья, которое охватывает территорию современных Татарстана, Чувашии и Республики Марий Эл. Города Саратовского Поволжья конца XVIII – первой половины XIX в. пока еще не стали предметом исследований саратовских историков. Отдельные сюжеты, которые могут быть использованы при характеристике социокультурного развития конкретных уездных городов, можно встретить в трудах саратовских краеведов. Однако сведения такого рода обычно относятся к более позднему периоду начиная со второй половины XIX в.

При изучении уездных городов как определенной категории поселений выясняется, что они отнюдь не представляли собой однородной массы. Даже в пределах одной губернии (например, Саратовской) можно выделить три–четыре группы уездных городов, которые различались по своему культурному облику. Первую из них составляют города-крепости – Петровск, Камышин (первоначальное название – Дмитриевск) и Царицын⁷. Они получили городской статус уже при их основании и были городами задолго до образования губернии (она была создана в 1780 г.). Ко второй группе можно отнести те, в которых до получения ими статуса уездных городов значительную роль играла торговая, промысловая или ремесленная деятельность населения, – Вольск (варианты названия – Волгск, Волжск), Хвалынский и Кузнецк⁸. В начале 60-х гг. XIX в. все три названных города относились к уездным центрам России, в которых население было многочисленным для того времени⁹. К третьей группе можно отнести уездные города, которые по характеру хозяйственной деятельности их жителей фактически оставались сельскими поселениями – Аткарск, Балашов и Сердобск. В Балашове в 80-е гг. XVIII в. не было ни ярмарки, ни даже еженедельного торга¹⁰. От сел названные города отличались наличием органов городской и уездной администрации и присутствием воинского контингента – внутренней стражи, которая с 1811 г. была во всех уездных городах России¹¹. В качестве отдельной группы следует рассматривать уездные города Заволжья – Николаевск, Новоузенск и Царёв. От городов Правобережья они отличались более поздним приобретением городского статуса (с 1836 г.)¹² и более кратким пребыванием в этом статусе на территории Саратовской губернии. В 1851 г. Николаевский, Новоузенский и Царёвский уезды были присоединены к Самарской и Астраханской губерниям¹³.

Объектом рассмотрения в данной статье является культурное пространство «старых» городов Саратовской губернии, т. е. городов-крепостей. В отличие от уездных городов, получивших городской статус с 1780 г., они обладали определенными традициями городской жизни. В связи с этим представляют интерес вопросы, каким образом отразилось «военное прошлое» в памяти их жителей, а также на планировке и застройке городов,

какие группы населения оказывали наибольшее влияние на культурный процесс в этих городах. Чтобы получить представление о его своеобразии, необходимо привлекать сведения о культурном пространстве других уездных городов губернии.

Со времени создания Саратовской губернии и до конца 50-х гг. XIX в. создавались статистические описания ее территории, в которых имеются сведения и об уездных городах. Сохранившиеся материалы фиксируют главным образом социально-экономический аспект их жизни. Однако в описаниях присутствуют и некоторые показатели, позволяющие судить об их культурном облике. В первой половине XIX в. численный метод еще не стал преобладающим в статистике, поэтому в статистических работах того времени встречаются эмоциональные оценки и красочные описания объектов. Первым сводом статистических сведений, в котором мы находим материалы, характеризующие города Саратовской губернии, является «Описание Саратовского наместничества», составленное в начале 80-х гг. XVIII в. Автором его считается саратовский губернатор И. И. Поливанов¹⁴. Вероятно, в действительности оно было составлено по распоряжению губернатора в его канцелярии. Данное «Описание» было впервые опубликовано в месяцеслове на 1785 г, а затем переиздано в составе «Собрания сочинений, выбранных из месяцеслов на разные годы»¹⁵. Более чем через полвека после его составления, в 1839 г., вышло в свет «Статистическое описание Саратовской губернии» знаменитого местного краеведа А. Ф. Леопольдова¹⁶. В нем имеются сведения об уездных городах, в которых гораздо больше численных показателей, чем в предшествующем «Описании». Кроме того, здесь приведены данные по истории городов, сведения о местных реликвиях и достопримечательностях (если таковые были), замечания о внешнем облике некоторых из них.

Изменения в жизни городов Саратовской губернии, произошедшие в 40–50-х гг. XIX в., представлены в работе Д. Л. Мордовцева «Несколько данных из материалов для статистического описания Саратовской губернии»¹⁷. Основное внимание в ней было обращено на изучение динамики социально-экономического развития. Тем не менее Д. Л. Мордовцев стремился создать образ уездного города, используя личные наблюдения. Его суждения дают основания для выводов о некоторых чертах социокультурного процесса в городах. К сожалению, свои наблюдения и замечания автор высказал не обо всех уездных городах губернии. Особенности их культурного облика в большей степени, чем в статистических описаниях, можно увидеть в мемуарных источниках. Значительный интерес в этом плане представляют «Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера»¹⁸. Автор этих воспоминаний – петербургский чиновник, посетивший губернию в 1842 г. Цель своего сочинения В. И. Беккер опре-

деляет следующим образом: «сказать о физиономии» губернского и уездных городов губернии «в верхней сколь можно очерках». В. И. Беккер побывал не во всех уездных городах губернии, и содержание его воспоминаний ограничивается описанием тех из них, которые он посетил.

Благодаря работе А. Ф. Леопольдова «О расколе в Саратовской епархии» можно достаточно определенно судить о степени влияния старообрядчества на культурное пространство некоторых уездных городов Саратовской губернии¹⁹. Очень интересные очерки об отдельных городах Саратовской губернии с использованием статистических данных и сведений по их истории были составлены краеведами в середине и второй половине XIX в. Очерки местных историков ценны тем, что они передают впечатления о внешнем облике, благоустройстве и укладе жизни, в них можно встретить замечания, которые касаются культурного потенциала уездных городов. Наиболее ценными являются подобные очерки, хронологически близкие к изучаемому времени. К ним можно отнести «Путевые заметки о городе Петровске и уезде» А. Росницкого, опубликованные в 1843 г.²⁰; статьи из «Саратовских губернских ведомостей» за 1858 г. – «Историко-статистический очерк города Царицына» Д. Л. Мордовцева²¹, «Впечатления Кымышина, Дубовки и Царицына» Н. И. Костомарова²²; очерки этого же автора о Вольске и Петровске, которые вошли в «Памятные книжки Саратовской губернии» в 1859 и 1860 годах²³.

Рассмотрение материала источников показывает, что в социально-экономическом и культурном развитии разных уездных городов Саратовской губернии существовали заметные отличия. Тем не менее все они обладали определенными чертами, присущими этой категории городских поселений. Основным формальным признаком города в XIX в. было наличие учреждений уездной и городской администрации. Статистические материалы указывают также на то, что во всех городах обязательно находились подразделения губернского батальона внутренней стражи (полицейские команды существовали не во всех городах). Присутствие органов управления и поддержания правопорядка отражалось на социальном составе населения, среди которого были чиновники и дворяне, а также военные. Количество их было невелико.

На основании статистических сведений по Саратовской губернии, представленных А. Ф. Леопольдовым, видно, что к концу 30-х гг. XIX в. количество чиновников в ее уездных городах колебалось от 10 до 48; численность воинских команд составляла от 107 до 210 человек²⁴. Количество дворян в его труде указано по городам таким образом, что очень трудно определить принципы группировки сведений и потому возникают затруднения в подсчете общей численности дворян-мужчин в каждом городе (в соответствии с

правилами тогдашней демографической статистики учетной единицей считалась душа, т. е. лицо мужского пола). И все же некоторые выводы на основании сведений А. Ф. Леопольдова сделать можно. Минимальное количество дворян в уездном городе примерно 10 человек (в Хвалынске)²⁵, максимальное – около 100 (в Сердобске)²⁶. Эти данные позволяют говорить о том, что влияние чиновников и дворян на социокультурную среду уездных городов не могло быть значительным.

В качестве подтверждения этого предположения можно обратиться к сведениям о внешнем облике уездных городов. Авторы статистических описаний и мемуаристы обычно называли в своих заметках архитектурные сооружения – в том числе и частные дома, – которые отличались красотой и представительностью. Судя по сохранившимся отзывам современников о внешнем облике разных уездных городов Саратовской губернии присутствие дворянства в них не отражалось на характере застройки. Краткая характеристика Сердобска, в котором дворян было больше, чем в любом другом уездном городе губернии, данная В. И. Беккером, не блещет яркостью красок: «Городок незавидный, построенный на равнине, при речке Сердобе, с двумя тысячами жителей, тремя церквями и скромными домиками, между которыми только один каменный, занимаемый присутственными местами»²⁷. Отсутствие заметного влияния дворянства на культурную среду уездных городов Саратовской губернии в изучаемый период можно считать их общей чертой.

Судя по количественному составу групп населения, в них безусловно преобладали мещане. Однако о существовании мещанской культуры в первой половине XIX в. говорить преждевременно. Это относится и к возможности выделения сословной культуры купечества. Основу культуры этих сословий в Саратовской губернии в изучаемый период ввиду постоянного пополнения их за счет крестьянства составляла народная культура. В. В. Кузнецов, который посвятил специальное исследование купечеству малых волжских городов губернии, подчеркивает, что при открытии новых городов купечество составлялось преимущественно из крестьян тех селений, которые получали статус городов²⁸. М. В. Булычев указывает на то, что и в первой половине XIX в. крестьяне массово переселялись в города губернии²⁹. Здесь они либо записывались в мещанское сословие, либо продолжали заниматься крестьянским трудом на земле, принадлежавшей городу.

Особенности народной культуры Саратовского Поволжья накладывали неизгладимый отпечаток на культурный процесс в уездных городах. В связи с этим в силу широкого распространения старообрядчества православное духовенство не имело в городах безоговорочного авторитета. Если верить замечаниям А. Ф. Леопольдова, то получается, что именно горожане являлись в первой половине XIX в. основными пропагандистами

старообрядчества. Он пишет, что «промышленный народ» (т. е. занимающийся промыслами и торговлей) «расторопен, смел, нередко начитан книг и резок в разговорах по делам церкви». «Таковым речистым людям, – с досадой замечает он, – нетрудно смять и расстроить добродушного христианина, пришедшего из скромных селений»³⁰. Как видим, здесь расторопный и начитанный горожанин выступает в качестве «совратителя в раскол». Конечно, не все уездные города Саратовской губернии могли считаться очагами распространения старообрядчества. А. Ф. Леопольдов замечает по этому поводу: «Чем ближе города и селения к Иргизским монастырям, тем более в них раскольников, а чем отдаленнее, тем менее»³¹.

Интересно то, что в Саратовской губернии в первой половине XIX в. православный монастырь существовал только в одном уездном городе – Петровске. В то же время в губернии было пять старообрядческих монастырей на реках Большом и Малом Иргизе³². В некоторых городах были старообрядческие культовые сооружения. Так, в Вольске существовали две раскольниковы церкви³³. На основании сведений, содержащихся в работах А. Ф. Леопольдова и в мемуарах В. И. Беккера, можно сказать, что этнический и конфессиональный состав населения уездных городов Саратовской губернии не был однородным. В Новоузенске проживали мусульмане, а в Хвалынске существовала мечеть, что указывает на наличие и в этом городе представителей данной конфессии³⁴. Несомненно, проживание в определенном городе носителей других, кроме русской, этнических традиций придавало своеобразие его культурной среде.

Отличия в социокультурном облике уездных городов Саратовской губернии были заметны уже на начальном этапе ее существования. Судьбы самых старых городов губернии – Царицына, Камышина и Петровска – в XIX в. были разными. Неодинаковыми были количественный состав их населения, направления хозяйственной деятельности. Социокультурная среда каждого из них также имела свои особенности. Однако в ней можно увидеть и общие для всех этих городов черты. Они определялись сходством их происхождения и общностью исторической судьбы до образования губернии. В планировочной структуре всех трех городов оставались следы их «военного» прошлого – оборонительных сооружений. Дольше всего они сохранялись в Царицыне, где были зафиксированы в середине XIX в.³⁵ В Петровске деревянная крепость, по сведениям А. Ф. Леопольдова, существовала до 1782 г.³⁶ В Камышине «земляная крепость и цитадель», сооруженные на месте первоначальной закладки города, были видны в начале 80-х гг. XVIII в.³⁷ В описаниях более позднего времени упоминаний об остатках укреплений Камышина не встречается. Особенностью планировочной структуры Петровска, связанной с его первоначальной функцией, было

то, что его улицы были прямыми (по крайней мере, в конце XVIII в.)³⁸.

В первом статистическом «Описании Саратовского наместничества» данная особенность планировочной структуры уездного города отмечена только в Петровске. Очевидно, он принадлежал к числу тех городов, которые строились по заранее разработанному проекту и с использованием чертежа. На это указывают дата основания города – 1698 г. – и правильная форма оборонительных сооружений – «деревянный четырехугольный замок»³⁹. В России в XVII в. строительство новых городов осуществлялось на основании принципов, в которых исследователи усматривают признаки «регулярности», отличавшие их планировочную структуру от структуры древних городов Руси. Признаками «регулярности» были не только геометрически правильные очертания крепости. В соответствии с ними проводилась и разбивка уличной сети как внутри, так и за ее пределами⁴⁰. К концу XVIII в. крепость в Петровске утратила свое значение и прекратила существование. Остались только прямые улицы, необычные для планировки уездного города. По названиям этих улиц можно было узнать, переселенцы из каких городов стали первыми жителями Петровска. А. Ф. Леопольдов писал, что переселенцы из Пензы, Саранска, Инсара, Мокшана, Чардыма и Курмыша жили отдельными улицами и названия их напоминали о происхождении жителей Петровска⁴¹. Можно сказать, что топонимика города была одним из элементов исторической памяти его населения.

Существование оборонительных сооружений или их остатков имело непосредственное влияние на культурную среду городов-крепостей. Они способствовали поддержанию памяти об историческом прошлом в среде местного населения. И в Петровске, и в Царицыне, и в Камышине в первой половине XIX в. были зафиксированы предания, которые вошли в состав статистических описаний в качестве исторических справок (следует отметить, что в первом «Описании Саратовского наместничества» подобные сведения практически отсутствуют). Впоследствии краеведы сопоставляли эти материалы с письменными свидетельствами, восстанавливая историю уездных городов. Однако предания иногда использовались и без критического подхода к их содержанию. Память об историческом прошлом городов-крепостей придавала особую глубину их культурному пространству. Она была отлична от глубины культурного пространства сельских поселений, в которых предания об исторических событиях были тесно связаны с мифологией. Сюжеты о прошлом Царицына, Петровска, Камышина, записанные краеведами, не содержат фантастических элементов, близких к мифам. Они имеют черты исторических преданий – центральными персонажами в них являются реальные деятели. Как выяснила В. К. Соколова, в русском фольклоре наиболее крупные

циклы преданий связаны с именами Ивана Грозного, Петра I, Разина и Пугачева⁴². Названные персонажи присутствуют и в повествованиях об истории саратовских городов-крепостей. Однако здесь мы часто встречаем и других лиц – ханов Батю и Мамай, что вполне соотносится с местными реалиями, которые повлияли на представление о прошлом жителей волжских городов.

Сведениям по истории Царицына, самого старого из городов-крепостей, в описаниях краеведов обычно предшествовало изложение преданий о происхождении названия реки Царицы, которое в народной памяти было связано с именем Батю. Согласно вариантам преданий, реку называли в честь жены или дочери хана. Кроме того, считалось, что город был основан на месте, где когда-то стоял дворец Батю. Время его основания местные жители относили к эпохе Ивана Грозного⁴³. Интересно, что в преданиях встречается «ссылка» на документ – грамоту Ивана Грозного, данную жителям города, причем даже указано, что в городе хранилась ее копия, а подлинник якобы находился в Москве⁴⁴. (Современные историки дату основания Царицына относят к 1589 г.)⁴⁵. Сведения о прошлом Царицына в статистических описаниях первой половины XIX в. излагаются достаточно подробно, с указанием некоторых дат.

Как полагают современные исследователи А. Л. Клейтман и И. О. Тюменцев, в основе этих сведений – варианты рукописи З. А. Дьяченко «О начале заведения города Царицына и о древних случайностях оного...», начало составления которой относится к 1810 г.⁴⁶ Позднее, в конце 30-х гг. она была дополнена П. Лугаревым и Бочкаревым, что положило начало существованию так называемой Царицынской летописи, списки которой дошли до нашего времени⁴⁷. Более ранняя письменная фиксация истории Царицына в трудах исследователей не отмечена. В 1771 г. адъюнкт Академии наук П. Б. Иноходцев в «Кратком известии о городе Царицыне» приводит сведения, полученные из царицынской канцелярии, о том, что город претерпел разорение от Степана Разина, а затем от Игнатия Некрасова. Он сообщает: «Ничего письменного до истории сего города касающегося здесь не имеется»⁴⁸.

История Камышина, основанного в 1697 г., – более короткая, чем история Царицына, но не менее драматичная по содержанию – тоже обрела письменную форму, известную под названием Камышинской летописи, в начале XIX в.⁴⁹ К. Л. Клейтман и И. О. Тюменцев указывают на то, что А. Ф. Леопольдов, рассказывая об основании Дмитриевска и истории города в XVIII в., «привел практически полный текст Камышинской летописи»⁵⁰. Большое значение для изучения письменной исторической традиции Камышина имеют наблюдения Д. Л. Мордовцева и Н. И. Костомарова относительно того, что существовали и более ранние варианты фиксации местных исторических преданий⁵¹. Действующими лицами

местных преданий выступают Пётр I, Кондратий Булавин, князь П. А. Хованский, Е. И. Пугачёв⁵².

Город Петровск не сохранил, в отличие от Царицына и Камышина, письменной фиксации исторических преданий. Отсутствие «письменной истории» в Петровске в первой половине XIX в. может объясняться тем, что документы по истории города были изъяты. А. Росницкий в своих «Путевых заметках о городе Петровске» упоминает о том, что в город приезжал губернатор А. П. Степанов (был губернатором Саратовской губернии в 1835–1837 гг.). Он потребовал передать ему «на время древние письменные акты», которые хранились в городском соборе. Документы ему предоставили, но назад в город они возвращены не были⁵³. Подтверждением этого сообщения А. Росницкого может служить тот факт, что в составе фонда Саратовской ученой архивной комиссии, который хранится в Государственном архиве Саратовской области, оказались документы, имеющие прямое отношение к истории Петровска. Это копия с грамоты патриарха Адриана от 1698 г. о постройке церкви во имя Бориса и Глеба в новом городе Петровске⁵⁴, копия с копии выписки из дела об отводе земель переведенцам города Петровска (первоначально копированный документ относился к 1699 г.)⁵⁵ и копия с копии указа Петра I от 1703 г. пензенскому воеводе князю С. И. Путятину о межевании земель жителям Петровска⁵⁶. Возможно, из Петровска в Саратов были доставлены не только эти, но и еще какие-то другие документы, связанные с историей города.

Поддержанию памяти о прошлом в Петровске способствовало существование целой группы исторических реликвий, хранившихся в местных церквях. А. Росницкий называет напрестольные кресты и Евангелия, а также другие богослужебные книги. Кроме того, в одной из церквей он видел «знамена и ручные военные орудия»⁵⁷. Более подробно о них писали Г. И. Чернышевский и Н. И. Костомаров. Это были семь знамен, алебарда и бердыш. Костомаров сообщил предание, согласно которому эти предметы были переданы Петром I при возвращении из персидского похода (напомним, что император не бывал в Петровске). Согласно другой легенде, они были присланы царем при основании города. В 1872 г. военные реликвии из Петровска были отправлены на Московскую политехническую выставку и назад их не вернули⁵⁸.

Культурное пространство каждого из «старых» городов Саратовской губернии обладало чертами своеобразия, которые были следствием особенностей этнического состава населения самого города либо прилегающих к нему территорий. Так, в Петровске в середине XIX в. проживали оседлые цыгане. Они не отмечены в «Статистическом описании» А. Ф. Леопольдова, но о них сообщают В. И. Беккер⁵⁹ и А. Росницкий⁶⁰, который указывает на их хозяйственные занятия – скупку и перепродажу лошадей. Среди

цыган были богатые купцы, которые торговали целыми табунами. Судя по его замечанию, цыгане в Петровске занимались отчасти и земледелием.

Можно представить, какими яркими красками была расцвечена не только праздничная, но и повседневная жизнь Петровска благодаря жителям цыганской слободы. А. Росницкий пишет: «Разгульная жизнь, природное удальство их мало изменяется»⁶¹. При этом он подчеркивает характерную особенность цыган, которые не чуждаются брачных связей с представителями других народов: «Чрез родственные связи с русскими они довольно обрусели, так что детей их редко можно распознать в кругу русских»⁶². По вероисповеданию петровские цыгане были православными. В источниках не говорится о том, когда они появились в Петровске и как долго проживали там. Д. Л. Мордовцев в своем статистическом труде, опубликованном в 1859 г., не упоминает о них⁶³. Означает ли это, что тогда цыгане в Петровске уже не жили, сказать трудно. Кроме цыган в середине XIX в. в Петровске было и мордовское население, как отмечал А. Росницкий. Это обстоятельство, конечно, тоже отражалось на культурном пространстве города.

В Царицыне и Камышине современники не отмечали значительных по количеству групп нерусского населения, однако соседство и общение с кочевниками-калмыками повлияло на культурную среду Царицына. В этом городе в 30-е–40-е гг. XIX в. существовала миссия по распространению христианства среди калмыков, для закрепления христианизации которых был составлен краткий букварь калмыцкого языка⁶⁴. Особенностью социокультурной среды Камышина было наличие в этом городе довольно значительного количества старообрядцев. По данным А. Ф. Леопольдова, их насчитывалась 261 душа при общем количестве населения 4544 души⁶⁵. Они проживали и в Царицыне, правда, численность их в этом городе, согласно статистике, была невелика 46 – душ⁶⁶.

Во всех трех городах-крепостях Саратовской губернии к середине XIX в. имелись образовательные учреждения, что являлось очень важным элементом культурного потенциала для города того времени. В 1839 г. в Царицыне к уже существовавшему училищу гражданского ведомства прибавилось еще одно – училище для детей калмыков, принявших христианскую веру⁶⁷. В Петровске тогда было только одно духовное училище, но контингент обучавшихся в нем был довольно значительным по сравнению с училищами в других городах. В нем было до 270 учеников⁶⁸. В Камышине в то же время было два училища – гражданское и духовное⁶⁹. По материалам «Памятной книжки Саратовской губернии на 1859 год», в Петровске было уже два уездных училища – гражданское и духовное, в Царицыне – только одно училище гражданского ведомства (школа для обучения калмыков не названа). В

Камышине сохранялись оба образовательных учреждения⁷⁰.

Элементы обустройства, которые в XIX в. обеспечивали соответствующие городской среде формы обслуживания и общения населения, отмечены саратовскими статистиками в двух из трех «старых» городов губернии. (Правда, есть основания сомневаться в том, что в статистических описаниях того времени всегда точно фиксировались все трактиры, гостиницы, общественные бани). По сведениям, представленным П. Лугаревым, в Царицыне к 1839 г. были две гостиницы и одна харчевня⁷¹. В воспоминаниях В. И. Беккера, который побывал в городе в 1849 г., отмечено, что в городе был гостинный двор⁷². В статистических очерках Д. Л. Мордовцева 1859 г. в Царицыне назван только гостинный двор⁷³. А. Росницкий в своем очерке о Петровске, опубликованном в 1843 г., отметил, что в этом городе постоянные дворы «с двухэтажными каменными домами, с устроенными в них для проезжающих покоями устроены хорошо»⁷⁴. Д. Л. Мордовцевым в 1859 г. постоянные дворы в Петровске не отмечены, указан только один трактир⁷⁵. Возможно, постоянные дворы сгорели во время одного из пожаров и не были восстановлены. Но отсутствие сведений о них могло быть просто упущением в комплексе статистических сведений. Камышин, насколько можно судить по имеющимся материалам, в первой половине XIX в. не располагал подобными заведениями.

Впечатления от внешнего облика городов, описанные современниками, имеют немаловажное значение при рассмотрении вопроса о том, насколько они соответствовали, по их представлению, своему «городскому» статусу. Петровск в первой половине XIX в. производил благоприятное впечатление. Священник А. Росницкий, посетивший его в 1843 г., писал, что Петровск – «один из лучших уездных городов Саратовской губернии»⁷⁶. О Царицыне в «Путешествии по Волге» художников Г. Г. и Н. Г. Чернецовых сказано, что он «хорошо остроен»⁷⁷. Следует отметить, что никто, кроме художников, не сказал доброго слова о внешнем облике Царицына в ту эпоху. Застройка Камышина не вызывала каких-либо эмоций у современников. Н. И. Костомаров, посетивший этот город через три года после пожара, от которого тот пострадал в 1855 г., писал: «Трудно представить себе другой городок, который производил бы более грустное впечатление, чем Камышин...»⁷⁸ Это описание является единственным эмоциональным отзывом о внешнем облике Камышина в изучаемый период.

На основании приведенных сведений можно сказать, что уездные города Саратовской губернии, которые были основаны как крепости, имели определенные общие черты в своем культурном пространстве. По социальному составу населения они практически не выделялись среди уездных городов губернии. Народная культура имела доминирующее значение в их общественно-культурной среде. Ее заметным отличием от культурной среды других уездных городов было существование преданий и реликвий, которые поддерживали память о «военном прошлом» городов-крепостей.

нирующее значение в их общественно-культурной среде. Ее заметным отличием от культурной среды других уездных городов было существование преданий и реликвий, которые поддерживали память о «военном прошлом» городов-крепостей.

Примечания

- 1 См.: Гуткин О. В., Листвина С. В., Петрова Г. Н., Семенищева О. А. Феномен культурного пространства. Саратов, 2005.
- 2 Гуткин О. В. Сущностные характеристики культурного пространства // Гуткин О. В., Листвина С. В., Петрова Г. Н., Семенищева О. А. Указ. соч. С. 60.
- 3 Там же. С. 42.
- 4 Кошман Л. В. Города и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 5.
- 5 Там же.
- 6 См.: Зорин А. Н., Зорин Н. В., Каплуновский А. П. [и др.] Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.
- 7 См.: Описание Саратовского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из месящесловов за разные годы. СПб., 1790. Ч. 6. С. 42, 44, 58–59.
- 8 Там же.
- 9 См.: Кошман Л. В. Указ. соч. С. 59.
- 10 См.: Описание Саратовского наместничества... С. 51, 52, 54–56.
- 11 См.: Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 6 а. С. 689.
- 12 См.: [Леопольдов А. Ф.] Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым. СПб., 1839. С. 118.
- 13 См.: Мордовцев Д. Л. Саратовская губерния в прошлом веке в отношении к нынешнему ее состоянию // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. Отдел 3. С. 58.
- 14 См.: ОР РНБ. Ф. 550. ОСПК. F4 68.
- 15 Описание Саратовского наместничества... С. 23–62.
- 16 См.: [Леопольдов А. Ф.] Статистическое описание...
- 17 Мордовцев Д. Л. Несколько данных из материалов для статистического описания Саратовской губернии // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. Отд. 3. С. 115–161.
- 18 [Беккер В. И.] Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. М., 1852.
- 19 См.: [Леопольдов А. Ф.] О расколе в Саратовской епархии, по рукописи А. А. Леопольдова // Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23. С. 35–166.
- 20 См.: Росницкий А. Путевые заметки о городе Петровске и уезде // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 40–41.
- 21 См.: Мордовцев Д. Л. Историко-статистический очерк города Царицына // Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928). Волгоград, 2010. С. 76–81.
- 22 См.: Костомаров Н. И. Впечатления Камышина, Дубовки и Царицына // Там же. С. 82–87.

- 23 См.: *Костомаров Н. И.* Поездка в г. Волгск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. Отд. 3. С. 87–111; *Он же.* Петровск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. Отд. 3. С. 21–30.
- 24 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 60–109.
- 25 Там же. С. 85.
- 26 Там же. С. 104.
- 27 *Беккер В. И.* Указ. соч. С. 39.
- 28 См.: *Кузнецов В. В.* Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 78.
- 29 См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья.* Т. 1. С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 154.
- 30 [*Леопольдов А. Ф.*] О расколе в Саратовской епархии... С. 46.
- 31 Там же. С. 37.
- 32 См.: [*Беккер В. И.*] Указ. соч. С. 29.
- 33 Там же. С. 79.
- 34 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 86; [*Беккер В. И.*] Указ. соч. С. 28.
- 35 См.: *Беккер В. И.* Указ. соч. С. 68.
- 36 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 88.
- 37 См.: *Описание Саратовского наместничества...* С. 45–46.
- 38 Там же. С. 41–42.
- 39 Там же.
- 40 См.: *Кириллов В. В.* К проблеме изучения древнерусского города XVI–XVII вв. // *Русский город (исследования и материалы).* М., 1984. Вып. 7. С. 14.
- 41 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 89.
- 42 См.: *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970. С. 6.
- 43 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 51.
- 44 Там же. С. 54
- 45 См.: *Очерки истории Саратовского Поволжья.* Т. 1. С. 33.
- 46 См.: *Клейтман А. Л., Тюменцев И. О.* Историография Царицынского и Камышинского края XVIII – первой трети XX вв. // Царицынский и Камышинский уезды... С. 14.
- 47 Там же.
- 48 *Иноходцев П. Б.* Краткое известие о городе Царицыне и о лежащем около его местах // Царицынский и Камышинский уезды... С. 36.
- 49 См.: *Клейтман А. Л., Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 14.
- 50 Там же. С. 15.
- 51 Там же.
- 52 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 72–75.
- 53 См.: *Росницкий А.* Указ. соч.
- 54 См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1063. Л. 2–3.
- 55 Там же. Л. 13 об. – 16.
- 56 Там же. Л. 3 об. – 12.
- 57 *Росницкий А.* Указ. соч.
- 58 См.: *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 121–122.
- 59 См.: *Беккер В. И.* Указ. соч. С. 7.
- 60 См.: *Росницкий А.* Указ. соч.
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 См.: *Мордовцев Д. Л.* Несколько данных из материалов... // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 40.
- 64 См.: *Саратовская летопись // Саратовский край : исторические очерки, воспоминания, материалы.* Саратов, 1893. Вып. 1. С. 69.
- 65 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] О расколе в Саратовской епархии... С. 37; *Он же.* Статистическое описание... С. 75.
- 66 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] О расколе в Саратовской епархии... С. 37.
- 67 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 60; *Дьяченко З. А., Бочкарев.* О начале заведения города Царицына и о древних случайностях оно-го... // Царицынский и Камышинский уезды... С. 49.
- 68 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 91.
- 69 Там же. С. 75.
- 70 См.: *Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год.* С. 21, 28, 36, 44.
- 71 См.: *Лугарев П.* История о городе Царицыне в двух частях... // Царицынский и Камышинский уезды... С. 53.
- 72 *Беккер В. И.* Указ. соч. С. 68.
- 73 *Мордовцев Д. Л.* Несколько данных... С. 151.
- 74 *Росницкий А.* Указ. соч.
- 75 См.: *Мордовцев Д. Л.* Несколько данных из материалов... С. 151.
- 76 *Росницкий А.* Указ. соч.
- 77 *Чернецовы Г. Г. и Н. Г.* Путешествие по Волге. М., 1970. С. 138.
- 78 *Костомаров Н. И.* Впечатления Камышина, Дубовки и Царицына. С. 82.